

КАЛИФОРНИЯ

Сам Бог в печи мне выковать хотел
Судьбу проплыть у берегов, палимых
Горячим солнцем, залежей незримых,
Что скрыты в Калифорнии... [Пробел]
Цветов и фруктов множество... Воспел
Я сонм красот, едва вообразимых,
С небесными долинами сравнимых,
Хоть не таких изящных: есть предел.

Но памяти лишь моря цвет доверь,
Тех волн, что из Японии стремятся.
Как много я оставил здесь потерь,
Пойму, начав жить с чистого листа,
И оттиск смерти усмотрю теперь,
Суть красоты в волнах, что серебрятся.

МАРГАРИТА

Луны наличник, синева
И звёзд тугая нить.
И золотом горят слова:
«Любить и позабыть».
И ветры шепчут, что мертва —
Как без неё мне быть?

Златое сердце, белый цвет.
Мутнеет снег на миг.

Она идёт, как лунный свет,
И голос её тих,
Как Амфитриты лёгкий смех
И раковин морских.

Колеблется прекрасный стан
Цветком, забывшим бриз,
Но услышавшим океан,
Движенье колесниц,
И помнит сладких дней обман
Мелодия гробниц.

Итак, могила, и распад,
И смех, что погружён,
Как мхом заросший водопад,
В слоновой кости сон.
И музыкален смех наяд,
И безмятежен он?

Как сладострастны нежный смех
Мелодии родной,
Мерцанье приоткрытых век,
Подёрнутых луной,
И пламя губ, чей цвет навек —
Как маки в летний зной!

Век удивлённых аметист
Подняв с ночных огней,
Она глядит, и взгляд лучист
Сквозь все туманы дней,
И поцелуй рассвета чист,
Как удивленье в ней.

Белеет тонкая рука,
Постель её — сирень.
Струится через облака

Волос золотая лень,
Фиалок тихая тоска,
Что прячет ночи тень.

О, подними скорей глаза
Из роковой тени,
Для поцелуев небеса
И губы разомкни,
Как Салмакида, спрячь в леса
Экстазы, вздохи, дни...

Так исчезает звёздный свет.
В лощинах тишина.
Жизнь и любовь — восторга цвет,
Что выкраден из сна.
И вот виденья больше нет —
Судьба моя грустна!

И слышен отзвук лишь один:
«Любить и позабыть».
И мрачный шёпот из глубин
Прядёт золотую нить,
И Маргариты до седины
Мне имя не избыть.

Умри средь расцветающего льда,
На этой дальней чистой высоте,
В её холодной, снежной красоте
Усни навек, утратив навсегда
Тревоги и сомнения; окрест
Нет никого — лишь злой полёт орла,
И звёзды, и вершины, и ветра,
В чьём пенье — скорбь заупокойных месс.

Когда взошли безумье в свою мощь
И тирании красная звезда,
Огни тревожные пугали ночь,
Смеялись над Свободой господа,
Попы бестрепетно душили Мысль,
«Ты лжёшь!» — раздалась песнь из темноты,
И в гороскоп Европы новый смысл
Внёс белый свет твоей святой звезды.

Я угадать хочу, поверь,
В моей забавной голове
Что скрыто? Что есть этот мозг?
И он нормален? Вот вопрос.
Никто вовек не понимал,
Раз я хорошим не бывал,
То почему алмазный ум
Погряз в тщете обычных дум?
Ответ чтоб ясный прозвучал,
Я б отдал череп свой врачам.
Услышать смог бы я от них,
Что на три четверти я псих,
Но в целом был хорош лицом,
Хоть не являлся образцом.
Не будет принят сей вердикт:
Сомненья вгонят в бледный вид.
Когда б хоть мёртвым знать я смог,
Где чертовщины скрыт исток!

МЕССАЛИНА

Перед живым крестом я лгу,
От восхищенья пасть могу:
Роскошных форм изгиб и зной,
ОМессалина, облик твой!
Посадкой глаз, игрой волос
Чаруешь и пронзаешь мозг.
Венец терновый, лёт копыя,
Огонь и холод — смерть твоя.
Клубки волос свиты, маня,
Как лабиринт и западня.
Проказой чувства поражён,
Я в неизбежность погружён,
Жар от дыханья частоты,
Когда, целуя, душишь ты.
Сонм наплывающих смертей
Объемлет ада цитадель.
Бесстыдный запах, что как яд —
Таинственная суть твоя.
Так, поцелуями покрыт,
Тобой захвачен и убит,
Пронзён до самого нутра,
Я вижу: призрачна игра.
Движенье тела надо мной
Кричит мне о любви шальной.
Из сердца пламени сорвав
Цветок огня, она, впитав
Весь сок, всю суть его, горит
И ток его в меня стремится,
Чтобы в изгибах утонуть
И бархат наших тел сомкнуть.
Моя сухая страсть тоща —
Жизнь Мессалины горяча!
Кровь сердца бурно в ней кипит,
Она сосёт, она мертвит,
И пурпур вен жестоких рук

Темней от чьих-то тяжких мук.
Она из чаши нашу жизнь
Пьёт, иссушив до горьких тризн
Наш дух, чтоб не смогли успеть
Понять, что это просто смерть.
Рука к руке, бедро к бедру,
Слепую мы ведём игру,
И я объятиях умру.
Как коршун, лик её навис,
Чтоб резко устремиться вниз.
Я ощущаю, словно рок,
Раздутость вен и крови ток —
Не молока — в грудях, огня,
Что убивает нас, дразня.
Как лавы раскалённой ток,
Губителен её восторг,
И поцелуев злой вулкан
Оставит ей немало ран.
Греха стигматы, крест истом —
Жизнь Мессалины день за днём.
В ней кратеры подвижных гор,
Долин серебряный узор,
Неверный пояса убор
Фиалку родинки открыл,
Как кровь, что некто процедил.
Свет Мессалины, ласок зной —
Барьер меж Господом и мной.
Ты тень и снявшая покров
Печь, что запретных жаждет дров,
Металла злобного прилив
Из тех глубин, где правит взрыв.
Как сердца дальнее тепло
Движенья импульс придало
Всей крови, так венец и стан
Приводят в действие обман.
Все невозможности и лжи —

Боль Мессалининой души.
Так гром грохочет вдалеке,
И, у судеб на волоске,
Все видят лишь туман вдали
И стрелы с неба до земли,
И кажется, что солнца нет,
И призрак туч скрывает свет.
Пока всё это не прошло,
Вкруг солнца видится гало,
Я вспоминаю синий тлен
Раздутых Мессалины вен.

Перевод Андрея Гончарука¹

¹ Андрей Викторович Гончарук — поэт, переводчик. Родился 14 июня 1984 года в Воронеже. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Защитил диссертацию, посвящённую поэзии Андрея Белого. Кандидат филологических наук. В 2016 году издал книгу стихов «Новый Элевсин».